

Геннадий Карнач

Обратный билет

Геннадий Карнач
Обратный билет

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Карнач Г. К.

Обратный билет / Г. К. Карнач — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Повесть включает два параллельных повествования жизни и карьеры бывшего вузовского преподавателя. Судьба главного героя во многом перекликается с судьбой самого автора. На фоне окружающего лицемерия современного провинциального образования показано становление личности простого деревенского мальчика, покинувшего родные места и нашедшего новую для себя родину в период распада СССР. Становление личности главного героя сопровождается трудными поисками себя и приводит к трагическим для него событиям. Как не сломаться духом, как выстоять в лживой системе и найти себя - об этом новая книга автора.

Содержание

1. Знакомство	5
2. Сказка про Горную	8
3. Адаптация	13
4. Безоблачные годы	16
5. Начало карьеры	19
6. Деревенские заботы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Геннадий Карнач

Обратный билет

1. Знакомство

– Наш вуз еще совсем молодой – ему всего два года. Так что в этом учебном году у нас будет только первый, второй и третий курсы, – начал рассказ после короткого приветствия и знакомства проректор по научной работе Левчин Андрей Петрович – высокий, среднего возраста, уверенный в себе, в очках. – У нас пока четыре специальности – менеджмент организации, психология, юриспруденция и иностранный язык. В перспективе мы планируем расширяться и стать первым в регионе негосударственным университетом. Сейчас нам нужны молодые специалисты с хорошим образованием. Предлагаю вам на выбор три направления работы: экономистом в службу бухгалтерии, руководителем в отдел полиграфии – там пока полный беспорядок, или карьера преподавателя. У вас самого к чему больше душа лежит?

– Сложный вопрос, – ответил несколько смущенный и не готовый к такому разговору Владимир Орлов. – Пока карьера преподавателя кажется более интересной по сравнению с экономистом.

– Очень хорошо. Я рад, что вы это сказали. У вас ведь университетское образование?

– Да, государственный экономический университет, дневное отделение, 3 года назад окончил.

– В принципе, если есть желание и готовность, то мы готовы вас взять на работу. Надо только познакомиться и поговорить с нашим ректором. Его сегодня нет. Вы сможете подойти завтра вечером? Я его предупрежу, что вы придете.

– Да, конечно, я приду. Еще один день подумаю.

– Тогда, до свидания, завтра мы вас ждем, – окончил встречу Андрей Петрович.

Девяностые годы – время для страны тяжелое, опасное. Происходил перелом всей прежней общественной жизни, в стране безработица, жуткие задержки заработной платы, разгул преступности. Но именно тогда появлялись ростки нового, еще свежего и неизвестного. Одним из таких ростков стало появление негосударственных вузов и расцвет платных форм обучения. Требования государства к таким вузам были пока лояльные, законодательство в этой области только формировалось, больших затрат на открытие не требовалось. Вот и появлялись всякого рода институты, учебные пункты и центры, представительства, филиалы. В конце 90-х – начале 2000-х в полумиллионном городе Набережные Челны насчитывалось более тридцати таких образований. Некоторые из них были филиалами старых и уважаемых в стране заведений – как правило, университетов. Были и странные образования, имевшие красивые названия – современный гуманитарный, татарско-американский, международный и т.п. Но и первые, и вторые создавались исключительно для получения дополнительного заработка головному вузу, которые находился в другом городе, регионе или даже стране. Главное для них – привлечь как можно больше студентов, качество преподавания и материальная база были там на втором или десятом месте. Но это устраивало практически всех: создателей таких вузов – минимум вложений и риска при хороших доходах, студентов и их родителей – без больших усилий и затрат можно получить диплом о высшем образовании, государство – уровень образования хоть как-то растет, а бюджетные средства не расходуются. Казалось, что большая часть взрослого населения, кто не смог получить высшее образование в советский период, бросились восполнять этот пробел, благо больших усилий и расходов не требовалось. Поэтому студентов в те времена хватало всем.

Было несколько самостоятельных заведений, созданных исключительно энтузиастами с большими амбициями, которые поначалу искренне верили, что вопрос денег для них не имеет значения. Главное – своя развивающаяся организация, коллектив, умные благодарные студенты, вклад в рост интеллекта региона. Одним из таких заведений и стал Институт управления – первый негосударственный вуз в городе. Он был создан несколькими людьми: Кузьмин Виталий Евгеньевич – бывший советский чиновник среднего уровня, который стал ректором этого вуза; Кириллов Виктор Александрович – один из бывших руководителей крупного промышленного предприятия, всегда был в тени и никакие должности в вузе не занимал, на нем лежала ответственность за первоначальное имущество и инвестиции (ходили слухи, что он связан с криминальным миром); Ляпин Валентин Давидович – про его прошлое мало кто толком знал, кажется, пробовал заниматься бизнесом – по крайней мере у него было много друзей в этой среде, в новом вузе он занимал должность проректора по учебной работе; Левчин Андрей Петрович – главный генератор идей и главный энтузиаст всего дела, в вузе его очень уважали, но это уважение до конца ему сохранить не удалось.

Вот в такое место и пригласили еще совсем молодого специалиста Владимира Орлова, который с женой несколько лет назад закончили настоящий советский университет в столице Белоруссии и переехали жить в Набережные Челны, к ней на родину. Больше двух лет Володя занимался чем придется – был продавцом в небольшом магазине, грузчиком, работал на линии по розливу уксуса. И тут он случайно получил такое предложение. Для него оно сулило немислимые перспективы – уважаемый преподаватель, ученая степень, хороший доход, спокойная чистая работа, возможность карьерного роста и внутреннего развития. Разочарования и беды придут потом, много лет спустя. Нечего и думать, надо устраиваться и строить карьеру!

На следующий день он после своей грязной работы поехал на встречу с ректором.

– Здравствуйте, – поприветствовал Виталий Евгеньевич Володю, они пожали руки друг другу. – Андрей Петрович мне про вас уже рассказал. Как же это человек с таким образованием работает неизвестно где?

– Не знаю сам, не берут ведь куда после вуза, опыта нет, а деньги семье нужны, ребенок скоро родится, первый.

– Здорово, поздравляю. Ну, опыт – дело наживное, было бы желание, – весело подбодрил ректор Володю. – Желание-то есть?

– Конечно, даже не сомневайтесь, – ответил он воодушевленно.

Виталий Евгеньевич был невысокого роста, уже пожилой, на лице и во всем облике сочетались добродушие и хитрость. Он был не прочь поговорить, новому человеку особенно важно рассказать про радужные перспективы будущего университета, про растущий коллектив, про хороших студентов, и вообще про то, как в вузе все правильно и прекрасно. Кажется, человек прожил богатую жизнь, в которой много чего увидел и многому научился.

Они находились в большом кабинете, в шкафах множество специальных журналов и литературы, на столе свежие газеты. Все вокруг производило впечатление современной организации, в которой хочется работать. Сам вуз занимал лишь часть здания бывшего детского сада (в 90-е много зданий детских садов за ненадобностью или в качестве инструмента заработка продавалось или сдавалось в аренду коммерческим организациям), коридоры и отдельные помещения были узкими и тесными. Но Владимира, который привык к просторам старого своего вуза, в котором провел 5 лет, это нисколько не смущало – новая экономика, новая жизнь, пусть будет так.

– У тебя диплом с собой? Давай посмотрим, – спросил ректор и стал изучать диплом Владимира. – Такие интересные предметы у тебя тут есть – и история партии, и политэкономия, и стратегия бизнеса, и маркетинг.

– Ну да, поступал-то я еще в Советском Союзе, а потом все изменилось, планы поменяли, вот и изучали современные уже дисциплины.

– Ладно, хороший диплом. Ну, ты согласен у нас работать?

Владимир, не колеблясь, с радостью дал свое согласие

– Только смотри – сразу брать тебя на должность преподавателя нельзя, это тяжело и поначалу очень страшно. Я когда сам первый раз в аудиторию входил – весь дрожал. Давай мы тебя оформим экономистом в бухгалтерию и для начала дадим какие-то предметы, поручим организационную работу. А как дело пойдет – переведем преподавателем.

Владимир несколько смутился таким поворотом – он ведь уже представлял себя уважаемым преподавателем, почти профессором. Но подумав несколько секунд и решив, что ректор конечно же прав, он согласился и на такое предложение и написал заявление о приеме на работу. До нового учебного года оставалось около 10 дней, нужно было успеть оформить все документы, познакомиться с коллективом и войти в курс дела. Ему было всего 25 лет – в этом возрасте совсем нет страха за будущее, нет тревог и больших забот, все это появляется позже, уже после сорока.

Так карьера и вся жизнь Владимира пошла по новому, только ей самой известному руслу. Эта жизнь принесет ему впоследствии не только много радости, волнений, открытий, достижений, но и много разочарований и бед.

2. Сказка про Горную

В западной части Белоруссии среди холмов и лесов расположилась старинная небольшая деревушка Горная примерно на 150 дворов. Никто не знал, когда и кем она была основана. Да и зачем, и кому может понадобиться такая информация? Там не было ни памятников, ни камней с надписью «основана в * веке», ни одной таблички «в этом доме в такое-то время жил *», сюда никогда не приезжали историки или археологи. Казалось, люди вокруг и не знали об ее существовании.

Возле деревни не было ни одного большого водоема – ни реки, ни озера, ни пруда. Протекал только небольшой ручей, который жители гордо называли «речка». Речку можно было просто перепрыгнуть в некоторых местах или перейти по камням. Она питалась родниками и никогда не замерзала. В Горной речка выполняла очень важные функции: здесь стирали и полоскали белье, летом поились животные и птицы, играли дети. А из самой речки жители не пили, опасаясь, что в желудок может попасть головастик и затем там внутри вырастет лягушка. Такими историями часто пугали детей. Для себя люди воду для питья брали из колодцев. На всю деревню было с десятков колодцев, построенных, вероятно ее первыми жителями. В каком-то колодце вода была абсолютно прозрачная и чистая – ее брали для себя, где-то вода была чуть замутненная – ее старались использовать для животных зимой или для хозяйственных нужд.

С водой в деревне никогда не было проблем, даже в самую сильную жару, да и засухи там никогда не было. В этой уникальной земле грунтовые воды подходили очень близко к поверхности, вокруг деревни всегда было множество родников. Почему было? Родники – это великое чудо природы, конечно же, сохранились и по сей день, только все меньше людей, которые каждый день пьют эту волшебную живую воду. Каждый житель знал, где находится тот или иной родник – оттуда брали воду во время полевых работ или выпаса коров. На некоторых лугах копали небольшие ямы, которые быстро наполнялись водой. Коровы эту воду пили и с удовольствием купались в жаркую погоду. Бытовало поверье, что один из родников в лесу дает целебную минеральную воду и, якобы, когда-то сюда приезжали ученые и были планы промышленной добычи этой воды, но потом эти планы забыли. Вода и правда там имела несколько соленый вкус. Может и правда про ученых, кто теперь знает...

Холмы, между которыми располагалась деревня, жители уважительно называли «горы». Отсюда и название самой деревни. Если с ближайшей горы смотреть на нее, то крыши домов и тем более дворы не сразу заметишь, настолько все утопало в зелени. Помимо фруктовых, в каждом дворе росли дикie деревья: ясени, каштаны, ивы. Порой они были такими огромными, что своей кроной могли закрыть дом или половину двора. Какая сказка была в мае, когда зацветал этот исполинский каштан! Как красиво и заботливо склонялись ветви ивы, как надежно оберегал дом от бед благородный ясень! Все жители, как правило, с уважением относились к этим деревьям, посаженным и оставленным основателями, и срезали их только тогда, когда они совсем состарились и начинали представлять угрозу для дома и его обитателей.

Старую часть деревни за холмами даже не было видно с главной дороги, которая вела из центра района по соседним поселениям. Как будто первые жители специально хотели спрятаться от всех людей. Только новая часть деревни – Новая улица, как называли ее жители – строилась уже поближе к центральной дороге. Сама эта главная дорога из центра называлась гасинец. По меркам жителей, выйти на гасинец – это практически покинуть свой дом и попасть в иную цивилизацию. Без особой надобности никто туда не ходил.

Как и все люди на планете любят свою землю, жители любили свою уютную Горную, хоть никогда и не говорили об этом, берегли, как могли, свой уклад. В позднее советское время сюда проникла цивилизация – магазин, клуб, библиотека, почтовый ящик, один телефон на всех, детский сад, в который свозили детишек из соседних деревень, баня, ферма. В 80-е годы

XX-го века жизнь здесь просто кипела, все были молоды, здоровы, полны сил, в полях работа не останавливалась, на лугах паслись стада коров, баранов, гусей. Коровы, не говоря уже про мелкое хозяйство, были практически в каждом дворе.

Вокруг всей деревни были луга и поля, за ними лес. Жители предпочитали далеко в него не ходить, да и что там делать? Охотников не было, а грибов и ягод хватало всем желающим и на опушках. В лесу водились косули, кабаны, зайцы, лисы, белки, птицы. Был свое лесничество и свой лесник, который делал в лесу кормушки для косуль и периодически возил туда сено. Если зайти даже недалеко в лес, можно было найти эти кормушки и увидеть разрытую кабанами землю. Детям часто рассказывали истории про кабаниху-мать с поросятами, которая, защищая своих детей, набросилась на какого-то неосторожного лесного прохожего. Была также история про дикого зайца, которого схватили за уши, а тот задними лапами разорвал «охотнику» живот и выпустил наружу все внутренности. Дети часто внимательно слушали такие истории, принимая все на веру и опасаясь одним ходить далеко в лес.

Надо сказать, что жуткая советская коллективизация обошла стороной Западную Белоруссию, которая до 1939 года входила в состав Польши (до сих пор в языке сохранились польские слова). Тогда жители жили на хуторах, у каждого было большое хозяйство – несколько коров, овцы, лошади. После вхождения в состав Советского Союза были созданы колхозы, почти все хутора свезли в деревню, это было сделано добровольно, а некоторые хутора так и остались нетронутыми. Никаких кулаков не было, никто никого в Сибирь не отправлял, просто немного поменялась жизнь. И Великую отечественную деревня прошла мягко. Немецкие части стояли 3 года, но никого не убили, дома не сожгли, в Германию на работы не забрали. Жители, кто прожил эти 3 года в оккупации, и не говорили про это время как про военное и ужасное, иногда вспоминали только как «житье за немцами». В эти годы была почти такая же жизнь, созрел урожай, строились дома, рождались дети. Кажется, что они заметили войну только когда наши войска шли на Запад в 1944 году и забрали с собой в армию всех взрослых мужчин.

Когда где-то слышишь или видишь фразу о том, что какие-то местные народности берегут свои традиции, то невольно задаешься вопросом – а что они для этого делают? Музеи строят? Книжки пишут? Традиции либо живут, либо нет. В этом и заключается сладость живой традиции, что ты в нее с радостью погружаешься, ждешь праздника или иного события, проживаешь его в душе вместе со всеми. И нет мыслей о том, что надо сделать вот именно это, никто никому не объясняет, что надо делать – все всегда при деле, даже дети. Были свои незамысловатые традиции, верования, легенды и у жителей Горной.

Главные традиции были связаны либо с церковными праздниками, либо с сельскохозяйственными работами, либо с уходом человека из жизни.

Самыми значимыми праздниками всегда были Рождество и Пасха. Следует отметить, что в Горной никогда не было своей церкви или даже часовни, куда можно было прийти. Может быть, поэтому большинство жителей не отличалось особой набожностью, и ездили по церквям в районный центр или другую деревню очень редко, но церковных правил старались придерживаться, и иконы были в каждом доме. Но эти правила касались, главным образом, простых бытовых вещей – под грозой не работай, в праздники тоже не работай, уважай старшего, помогай ближнему, люби детей, ухаживай за могилами близких, содержи в порядке свой дом. Поэтому и эти два главных христианских праздника отмечались просто: пирогами, обильными простыми кушаньями (в праздничное меню, помимо пирогов, всегда включалось много жареного мяса, картошка, квашеная капуста, колбаса, вяленое мясо – неотъемлемые элементы любого праздничного стола), мужчины выпивали, дети получали сладости. В доме собиралась вся большая семья, приезжали дети и внуки из центра и соседних деревень. За столом немного говорили про сам праздник – кто что слышал про его истоки, про жизнь Иисуса, а потом быстро переходили на житейские темы.

Сами жители Горной почему-то крайне редко куда-то ходили в гости. И в церковь на длительную утомительную службу никто не ходил. А как пойдешь? Кто будет животных кормить, за детьми и стариками смотреть? Бывали редкие случаи, что кто-то ездил на ночную службу в храм в другое село или районный центр. Тогда про это на следующий день знала вся деревня. Человек, как правило, женщина, сразу несколько дней пользовался повышенным вниманием и уважением. Как? Ходила? Не побоялась? Так далеко? А она с показной гордостью всем рассказывала, как хорошо батюшка вел службу, как красиво пели, как ярко и радостно было в церкви. Это событие еще какое-то время обсуждалось в деревне, а потом забывалось. А сам человек после такого несколько лет ни на какую службу не ходил, считая свой духовный долг временно исполненным.

Про другие праздники горненцы лишь вспоминали, причем эти праздники обычно были связаны с их жизнью – на такой-то праздник корова отелилась, на такой-то соседка умерла, на такой-то картошку выкопали в позапрошлом году. Главное – это не забыть про праздник, как-нибудь в разговоре это отметить и, по возможности, не заниматься тяжёлыми работами во избежание «божьей кары». Так, про праздник Петра и Павла часто говорили: «пришел Петрок – упал листок...», подчеркивая этим, что лето достигло своего пика, листва больше не растет и скоро начнут появляться первые желтые листья на деревьях. Праздник пророка Илии 2 августа связывали с грозами, покрова – с приходом зимы, Крещение – с сильными морозами. Про светские праздники – Новый год, 1 и 9 мая, 7 ноября – лишь иногда вспоминали, но никому и в голову не приходило их как-то отмечать. Так же, как и свои дни рождения.

Самыми главными событиями для всех сельчан оставались сельскохозяйственные работы – посевные, заготовка сена на зиму для скота, прополка свеклы, окучивание картошки, уборка урожая осенью, рождение теленка, покупка поросят для выращивания, «заколка» взрослого животного и заготовка мяса. К этим событиям заранее готовились: кто жил в городе – отпрашивались с работы или учебы, проверяли инструменты (точили косы, ножи, лопаты), приводили в порядок емкости для корнеплодов (корзины и мешки), договаривались с транспортом. Если ни у кого из родственников подходящего транспорта не было – просили соседей, благодарили, как правило, самогонкой. В целом уже за несколько дней или даже недель до начала все уже знали, кто и в какие дни выйдет в поле, если не подведет погода.

Обычно все полевые работы проводились всей деревней одновременно – и весело и помощь, если нужно, быстро придет. В поле люди работали весь световой день, еду брали с собой и обедали прямо там. Дети постарше всегда были рядом и помогали родителям как могли. Детей привлекали уже с 6-7 лет. Никто не спрашивал, хотят они того или нет. А детям и в голову не могло прийти, что можно отказаться. Но их сильно не напрягали. Если устал – иди посиди отдохни или поспи немного. Поэтому, несмотря на то, что сельский труд далеко не самый чистый и легкий, все всегда успешно справлялись, никто никогда не жаловался на усталость или невыносимую жизнь. Было даже весело. Те, кто уехал из деревни в поисках лучшей жизни, еще многие годы, часто всю жизнь будут с благодарностью в душе вспоминать этот труд как настоящий, умиротворяющий тело и успокаивающий душу. И этот ни с чем не сравнимый пьянящий запах свежеспаханной земли вперемешку с навозом, растущие под собственным уходом растения, зеленые поля, полные погреба овощей осенью, банки с вареньем, бочки с квашеной капустой, ящики с соленым салом...

Огромным событием в жизни каждого дома было рождение теленка. Обычно это происходило в холодный период – поздней осенью или зимой. «Корова отелилась! Бычок!», – радостно сообщала хозяйка всем, кто был в доме. На следующий день про это знала вся деревня, а также и те родные, кто жил в других селениях, на хуторах или в районном центре. Радовались как взрослые, так и дети. А если рождалась двойня – то это было просто грандиозное событие, про которое говорили еще много лет. Корову с теленком хозяйка в первые дни оберегала как могла: убиралась каждый день в клетку, кормила самым вкусным сеном, свек-

лой, мукой, хлебом. Чужих никого подпускать было нельзя, даже родных к теленку пускали только через несколько дней. Корова своих всех знала, поэтому разрешала подходить, гладить. Маленькие телята всегда были очень ласковые, как котята, и с удовольствием играли с детьми. Надо сказать, что ни коров, ни телят в Горной не резали практически ни в одном дворе – ни у кого рука не могла подняться на это кровавое дело. Подросших телят и состарившихся коров сдавали на ферму. Что там с ними происходило дальше, все понимали, но предпочитали об этом никогда не говорить, особенно при детях. Да и говядину из магазина ели очень редко – в основном только свинину, птицу, изредка баранину.

Почему-то в российской и белорусской культуре смерть всегда остается более значимым событием в жизни по сравнению с рождением. Даже названия для этих событий просто несопоставимы по их числу и смысловым оттенкам. Рождение называют лишь: «родился», «появился на свет». Чисто лексикологический интерес может представить еще «покинул утробу матери». Но в жизни кто так говорит? Вот, пожалуй, и все. А смерть?! Это же замечательно: «умер», «сдох», «представился», «гебнул», «сыграл в ящик», «приказал долго жить», «протянул (склеил) лапы», «откинул копыта (коньки)», «ушел в мир иной», «окоचурился», «закончил жизнь». Причем большая часть этих выражений носит не зловещий, а ироничный, даже несколько веселый оттенок. И ритуалов вокруг смерти значительно больше. Эти ритуалы строго соблюдались в Горной, также как во всех белорусских деревнях. Оповещали всех соседей и родных, просили помочь, готовили дом – убирали ненужную мебель, ставили лавки (людей придет очень много), закрывали зеркала, готовили кушать (всех надо кормить). Умерший размещался в гробу в самой большой комнате, вокруг стулья и лавки – многие будут сидеть часами днем и ночью до самых похорон. Проститься приходила, как правило, вся деревня: кто на 10 минут, кто на целый день. Отдельную очень значимую роль выполняли плакальщицы – обычные женщины, которые знали много погребальных, очень лиричных и жалостных песен. Песни были записаны в толстые тетради, любой желающий мог запросто взять и полистать их. Периодически к умершему подходил родной человек – жена, дочь, невестка – и «причитал», то есть громко напоказ плакал, каялся, жаловался. Затем целовал умершего и уходил. Так продолжалось сутки или чуть больше. Часто звали на отпевание батюшку из ближайшей церкви. Самых старых и уважаемых жителей возили на отпевание в церковь. Более простой и доступный вариант – пригласить батюшку прямо на кладбище. Сами похороны тоже проходили при большом количестве людей. Негласно считалось, что чем больше людей пришло, тем более уважаемым был человек. Если в семье были молодые крепкие мужчины, то гроб с телом несли на руках как можно дальше через всю деревню, только затем переставляли на телегу или специально подготовленный грузовик. Могилу копали только руками. Если сами не могли, просили соседей или любых мужчин, которые были не против немного заработать на выпивку. После похорон были крупные поминки. Пока осуществлялось погребение, несколько женщин оставались в доме и накрывали на стол. Обычно поминки долго не продолжались, через 2-3 часа все расходились и оставались только самые близкие. Умершего вспоминали только через 40 дней и год. Затем специально никто никаких поминок не проводил.

Каждая семья, помимо фамилии, которую знали-то не всегда и вспоминали редко, имела свое прозвище. Многие жители приходились друг другу дальними родственниками, но нити родства помнили только самые старые жители, и то не всегда. Вражда между дворами была, но мелкая и непродолжительная, скорее для порядка – всегда и во всем жить в мире не очень интересно, надо что-то обсудить, кого-то в нехороших делах упрекнуть, например, в пьянстве или в том, что у них дома есть нечего, поэтому все молодые грибы и ягоды в лесу успели собрать и никому не оставили. У кого-то корова грязная ходит – хозяйка ленивая и не хочет убирать клетку, кто-то слишком толстый – ест все подряд, кто-то так и не создал семьи – пьяница. В гости друг к другу почти не ходили, встречались на улице, возле колодца, в магазине

или в свободные часы на лавках возле дома. Там и узнавали все новости и обсуждали важные деревенские дела.

Время в любой деревне течет не так, как в городе – само ощущение времени там совсем другое, кажется, что его там совсем нет. Всем жителям – и старым, и взрослым, и детям – казалось, что такая жизнь была и будет всегда: бабушка всегда останется такой веселой и заботливой как сейчас, мама будет молодой, будет цвести каштан, корова будет вечером возвращаться со своего пастбища, поля будут зелеными и наливаться урожаем. Но, как оказалось, у времени свои планы на жизнь...

3. Адаптация

Первые месяцы в вузе – период адаптации – проходили у Владимира очень тяжело. После более чем двух лет продавцом и разнорабочим, внутренняя среда вуза производила не него впечатление чего-то совершенно чужого и даже враждебного. Приходилось контактировать с незнакомыми людьми, ходить по незнакомым кабинетам, выполнять незнакомые поручения, готовить документы, затем нести их на согласование и подпись и выполнять еще массу разных новых и неприятных дел, большинство из которых Владимир выполнял впервые в жизни. Осложнялось это еще и тем, что многие процессы в молодом вузе были просто не отлажены, никто толком не знал, как правильно надо выполнять то или иное действие, а спросить часто было не у кого – Владимир еще почти никого не знал, да и рабочее место появилось у него не сразу.

В самом начале ему поручили сформировать пакет документов, необходимых для открытия в начале октября подготовительных курсов.

– С каждым деканом, их у нас четыре человека, необходимо встретиться, согласовать учебные планы, подготовить приказ о курсах на этот учебный год. Это самое главное. Еще кое-какие мелочи сделаем потом, – быстро объяснил Андрей Петрович. – В учебной части надо взять прошлогодние планы по этим курсам и показать их деканам, может быть они захотят их несколько изменить.

– Хорошо, я постараюсь. Где найти этих деканов?

– Декан психологии сидит у нас в двадцать втором кабинете, юриспруденции – в восемнадцатом «а», но он бывает только после двух часов, лингвисты – в шестнадцатом, а декан менеджеров пока без кабинета, у нее рабочее место в учебном отделе.

– Буду искать, – растерянно сказал Владимир, но Левчин его растерянности как будто не заметил, ведь в начале учебного года у каждого множество всяких важных дел.

Поиски деканов в первые же дни закончились для Владимира полным провалом. Познакомившись с заведующей учебным отделом Нелли Раисовной, и кое-как совместно отыскав прошлогодние учебные планы подготовительного отделения, он прошелся по кабинетам, все из которых оказались заперты. «Как же быть? Где же я их найду? Возле дверей, что ли, ждать? Так весь день простою в коридоре, – растерянность Владимира только усиливалась. – Поеду домой, завтра с утра начну».

На следующий день с утра удалось встретиться и познакомиться с деканом лингвистов, она внесла кое-какие поправки в планы на этот год и очень вежливо поблагодарила за то, что с ней посоветовались. Это несколько приободрило Владимира, ведь такое к себе уважительное отношение он встречал очень редко, может быть, первый раз в жизни.

Оставалось еще три декана, которых утром на месте не оказалось. Эх, если бы он тогда осознавал, что эти поиски и ожидания только начинаются в его жизни... Придется ждать и искать очень часто и подолгу, иногда по четыре часа возле дверей, а иногда по несколько дней. И потом для него это совсем не будет казаться чем-то ужасным или неприятным. Но в эти первые дни такая проблема виделась ему просто неразрешимой. «Как же так? Что это еще такое? Зачем мне все это надо?» – только и вертелось как вихрь в его голове. Привыкнув к абсолютно конкретной работе – взял, отнес, сделал, загрузил, поставил, он никак не мог вникнуть в новую работу – ждать, разговаривать, слушать, снова ждать. Отсутствие рабочего места и неумение разговаривать с незнакомыми людьми только усугубляли весь процесс адаптации.

– Нелли Раисовна, я не знаю, что делать, – решил он обратиться к уже знакомой заведующей учебным отделом.

– Так, спокойно, не надо паниковать. Просто наши деканы не всегда находятся на рабочих местах, их придется «ловить», – уверенно и даже ласково ответила она. – Приходите завтра не к восьми часам, а ближе к обеду, часов в одиннадцать, я вам помогу.

– Ладно, спасибо, я тогда сегодня домой, – несколько успокоившись, ответил Владимир.

Завтра на месте оказался декан психологов – очень энергичный, самоуверенный, среднего роста, возрастом около 40 лет, кандидат психологических наук. Для Владимира эти ученые степени и регалии казались тогда фантастикой.

– Здравствуйте. Меня зовут Владимир, я курирую подготовительное отделение. Мне надо согласовать с вами планы психологов.

– Да, добрый день, – холодно и деловито ответил Георгий Самуилович. – Давайте смотреть.

Взяв протянутые планы, главный психолог вуза, не говоря ни слова, сделал несколько правок и быстро протянул документы обратно Владимиру, всем видом намекая, что разговор окончен.

«Так, два есть, а дальше что? – думал Владимир, несколько уязвленный таким холодным бездушным отношением. – Так дело не пойдет. Почему у меня нет рабочего места? Уволюсь к чертям, не буду я ходить ютиться по чужим кабинетам. Прямо сейчас пойду к ректору».

– Володя, что случилось? Что это за детский сад такой? – не скрывая раздражения спросил Виталий Евгеньевич, держа в руках Володино заявление об увольнении по собственному.

– Ну не могу я, не привык делать то, что не знаю. Я не понимаю, что мне надо делать. Где искать этих деканов, где мне вообще следует находиться? Рабочего места у меня нет. Приезжаю сюда и не понимаю, когда начинается и заканчивается рабочий день. Лучше вернусь на старую работу, там все понятно и просто.

– Так, ясно. Позовите Ляпина ко мне сейчас, – передал он свои указания секретарю через внутреннюю связь. – Не надо так суетиться. Я понимаю твое состояние, но писать сразу заявление об уходе глупо, – обращаясь к Володе уже без раздражения, сказал Виталий Евгеньевич. – Сейчас разберемся, и рабочее место найдем для тебя, что-то я упустил этот вопрос. В следующий раз ко мне входить обязательно с блокнотом и ручкой.

Через несколько минут в кабинет заходит проректор по учебе. Невысокий, худощавый, возраст – около сорока лет, проректор всем своим видом пытался произвести впечатление человека властного и самоуверенного. Поздоровавшись кивком головы, Валентин Давидович садится на стул рядом с ректором, показывая этим, что он второй человек в организации, без которого она не может существовать.

– Валентин Давидович, вот новый человек у нас, Владимир Семенович. Ему поручено курировать подготовительное отделение. Надо ему помочь.

– А какие тут проблемы? Необходимо согласовать планы отделения. Для этого нужно встретиться с деканами и с ними поговорить. Мы обсуждали этот вопрос с Андреем Петровичем.

– Да где они, эти деканы? Сколько раз прихожу, их никогда на месте нет, с двумя только удалось встретиться, – сокрушенно говорит Володя. – Не могу я бегать по чужим кабинетам, своего места нет.

– Валентин, помоги ему, ведь отделение в твоей епархии, – сказал мягко ректор. – А место мы сейчас же найдем, пока в учебном отделе. Тем более потом ведь нужно будет и с людьми встречаться. Пойдемте все вместе туда.

Учебный отдел («учебка») тогда находился совсем рядом с кабинетом ректора.

– Нелли, давайте подумаем, где посадить Володю. А то у него места пока нет, упустили мы это, – обратился ректор к заведующей.

– Да, конечно, сейчас организуем, – быстро и кратко ответила та, затем перевела взгляд на Владимира и улыбнулась.

– А тебе на будущее – не надо принимать резких бездумных решений, – сказал он быстро Володе и ушел к себе.

Затем Валентин Давидович объяснил Володе, как и в какое время лучше найти двух недостающих деканов, после чего также ушел. При этом в его взгляде и голосе сквозило недовольство тем, что пришлось отвлечься по столь пустяковому поводу.

Работники отдела помогли Володе поставить стол и дали все самые необходимые на первое время канцтовары. Наконец-то у него появилось первое чистое рабочее место! Вскоре подошла декан менеджеров Татьяна Константиновна – среднего возраста, невысокая, улыбающаяся, рыжеволосая, на лице веснушки, которые придавали ей немного шарма.

– Здравствуйте, – поприветствовала она всех. – У нас новые люди?

– Да, знакомьтесь. Это Владимир Семенович, наш новый работник, он курирует подготовительное отделение. Он как раз вас ждет, – весело и непринужденно ответила Нелли Раисовна.

– Здравствуйте, – сказал Володя. – Мне надо согласовать с вами планы подготовительных курсов. Вот прошлогодние планы, посмотрите, может быть нужно внести изменения.

– Ну, сильно менять не будем уж, – после краткого ознакомления с планами ответила она. – Немного сократим часы по русскому языку, а математику добавим, а то преподаватели жалуются, что с математикой совсем плохо.

– Спасибо, я внесу коррективы.

После этого короткого разговора Володя остался осваиваться на новом месте, а Татьяна Константиновна куда-то ушла по своим делам. Вскоре появился последний декан – юриспруденции. Он оказался совсем молодым, чуть старше самого Владимира, звали его Эдуард Михайлович Волков. Ростом чуть выше среднего, плотного телосложения, волосы светлые, лицо широкое с крупными чертами, на лице задумчивость и какая-то отрешенность, как будто в этом месте он оказался случайно и на время, но внутри он далеко. Володя тогда этого не замечал, еще многого не понимая и не чувствуя, жизненный опыт для него только начинался. После краткого знакомства Эдуард стал изучать планы и вносить туда изменения, при этом не замечая присутствия окружающих. Окончив эту работу, он почти убежал из отдела. Володя сел сводить в единое все внесенные деканами изменения и готовить приказ об открытии курсов на текущий учебный год. «И совсем не сложно, пока все получается. Посмотрим, что дальше», – несколько успокоившись, подумал он.

4. Безоблачные годы

Утро в деревенском доме начиналось одинаково: взрослые вставали за 1,5-2 часа до восхода солнца – нужно было доить корову, чтобы затем пустить ее (выгнать) на пастбище. Потом приступали к приготовлению пищи для свиней и птицы, и только после этого думали о себе. К тому моменту, когда просыпались дети, как раз готов был сытный завтрак – обычно это были блины из картошки или муки, сырники, картофельное пюре со свиными скварками, запечённое в горшках (чугунах) в печи. На обед часто был суп – щи или борщ, также сваренный в чугунах в печи. Но специальный обед готовили далеко не всегда, так как много времени и сил занимал уход за домашним хозяйством. Поэтому в обед доедали то, что осталось от завтрака, делали салат из свежих овощей, доставали из бочки квашеную капусту, заправленную теми же свиными скварками, окрошку (называли рассол – овощи и зелень, залитые простоквашей и водой с солью и уксусом), нарезали соленое сало и вяленое мясо, хлеб, варили яйца. Вечером часто готовили молочный суп. Как же все это было сытно и вкусно! Нет лучше пищи в мире!

Мальчик любил утро в деревне, любил просыпаться и вдыхать запахи с кухни, слушать возню взрослых. Детей никогда не будили – спи, сколько хочешь. Как-то само получалось, что мальчик с сестренкой просыпались в тот момент, когда был готов завтрак. Мальчик любил не только утро, но и день, и вечер, немного побаивался ночи – даже в дальнюю часть двора в темное время ходить было страшно.

Мама с отцом работали в районном центре в 5 километрах от Горной, а дети были под присмотром бабушки, дедушки и тети – старшей маминой сестры. Взрослые любили детей и отдавали им все что могли, в первую очередь заботу и внимание. Дед буквально души не чаял во внуках и часто возился с ними, когда не было более важных дел. Жаль, ушел он очень рано, мальчику было всего 4 года, поэтому деда он почти не помнил, а похороны почему-то хорошо отложились в памяти – шел первый снег, проститься с дедом пришло очень много людей, а гроб с телом деда через всю деревню нес отец с другими мужчинами.

Бабушка была немного строже с внуками – могла и прикрикнуть, и погрозить. Но дети ее совсем не боялись. И ругалась бабушка только для порядка, чтобы дети не разбаловались и слушались взрослых. Детское послушание наряду с приобщением к труду играли важную роль в деревенском воспитании.

У тети своей семьи никогда не было. Она рассказывала, что в молодости у нее было много женихов, приезжали к ней свататься даже из других деревень. Но ни один из них не пришелся к ее искренней, доброй и немного скрытной девичьей душе. Так и прожила всю жизнь одна, ничего не испытав, кроме деревенского труда и забот. Но женская природная потребность любить и заботиться о детях в ней никогда не умирала, вот и любила она племянников, как могла. Дети отвечали взаимностью и ласково называли ее «тетя».

Само это слово «любовь» в деревенской речи отсутствовало напрочь, его слышали только по телевизору и читали в книгах. Но саму любовь нельзя обмануть или скрыть. Дети чувствовали ее со стороны всех окружающих взрослых, они ведь и не знали ничего другого, поэтому и росли, любимые всеми. Уже значительно позже мальчик учился чувствовать любовь и в природе, в цветах, животных и птицах, в шелесте листвы, дуновении ласкового ветра, в солнечных лучах, журчании ручья и плеске волн

– Ой, я вам сейчас дам! – то ли шутя, то ли серьезно ругалась тетя, застав детей за какими-нибудь забавами, которые, по ее мнению, были недопустимыми в хозяйстве. – Такие большие дети, а занимаются всякими шкодами¹. Вот всё батьке расскажу. Сходите в огород лучше и сорвите три огурца на обед, рассол сделаю. Укропа пару веточек и цыбули² нащипайте.

¹ Шкода – баловство, мелкая проделка.

Дети совсем не боялись такой ругани, точно зная, что тетя ничего не даст, и отцу не расскажет, что они гоняли подросших цыплят по двору и одного поймали.

Какое все же беззаботное счастливое время – детство!

Возле дома был большой двор, по которому спокойно весь день гуляли куры, а вокруг располагались огороженные участки, где росли фруктовые деревья, ягоды и цветы. Дальше был большой сарай, где содержались животные и хранились корма на зиму, за ним – соток десять огорода, где выращивали картошку и другие овощи. Пока был жив дедушка, держали овец, уток и гусей. После его ухода остались только корова, свинья, куры, собака и несколько кошек. Но и этого вполне хватало, чтобы с пользой проводить время, особенно летом. Кур нужно было накормить, побегать за ними, если повезет – поймать и втайне от взрослых накормить хлебом, поиграть с кошкой и собакой, напоить котят молоком, посмотреть, как кушает большущая и немного страшная свинья, что-то принести тете и бабушке, встретить корову с пастбища, почесать ей шею, угостить яблоком или хлебом. Да мало ли дел для детей в деревне летом!.. А за пределами двора? Наблюдать, как копошатся в траве разные насекомые, ловить кузнечиков, смотреть, как плавают головастики, поймать лягушку, найти созревшие ягоды возле речки – красную смородину (поречку) и малину.

Пока мальчик был совсем маленьким, он всегда был с сестрой, и дальше двора они обычно не уходили одни. А как начали взрослеть, он полюбил быть один, хотя детей в ту пору в деревне всегда было много, и найти друзей было совсем нетрудно. У них он научился ловить майских жуков (как оказалось, они очень добрые и красивые, и совсем не страшные), делать рогатки и свистульки, вырезать ножиком узоры на дереве.

Часто с сестрой они ходили в походы в соседний лес, до которого от их дома было метров триста. Брали с собой хлеб, сало, лук, огурцы, разводили небольшой костер, жарили хлеб с салом на палочках, и с аппетитом это все ели. Когда созревали колосья пшеницы, они их срывали и тоже обжаривали на костре. Замечательная пища!

Когда утренние работы были сделаны, обед готов, появлялось время для безделья и отдыха до вечера. Летом часто тетя с племянниками ходили в лес за ягодами – лесной земляникой и черникой. В соседних лесах их было много и хватало всем. Приносили всегда много – проведя несколько часов в лесу, можно было собрать 5-6 литров ягод. Их ели свежими с сахаром и молоком, варили варенье на зиму.

Мальчик не очень любил собирать ягоды – мелкая кропотливая работа не приносила ему большого удовольствия. Но и ходить в лес никогда не отказывался.

– Не пойму, почему у вас быстро получается ягоды собирать, а у меня медленно, – расстраивался он иногда.

– А вот, смотри, – отвечала сестренка. – Я когда ягоду срываю, смотрю на следующую, потом опять также. Вот быстрее и выходит.

– Кусты вот так разворачивай, ягоды внизу под листиками прячутся, – добавляла тетя.

– Ладно, попробую.

Если найти хорошую полянку, можно на ней одной набрать сразу пол-литровую банку земляники. Далеко в лес никогда не ходили, тетя и особенно дети боялись заблудиться. Маленькие и большие леса окружали деревню с трех сторон, с четвертой стороны шла дорога в районный центр. Если углубиться чуть дальше от опушки, начинался старый лес, как называли его жители, туда никто не ходил. Иногда тетя с детьми приближались к нему и разворачивались. Действительно, те места напоминали леса из русских сказок: вековые деревья, много поваленных, поросших мхом, никаких дорог и тропинок, овраги и буреломы, солнечный свет почти не проникал через крону. Загадочно и страшно.

² Цыбуля – зеленый лук.

Свежие ягоды разминали с сахаром и как варенье намазывали на хлеб. Еще можно было просто залить молоком, добавить сахар, перемешать и съесть с хлебом. Такой вот аппетитный живой летний суп!

Вскоре после ухода деда мальчик с сестрой и родителями перебрались жить в районный центр в новый уютный дом, в деревне остались бабушка и тетя с большим хозяйством и огородом. Двум пожилым женщинам управиться со всем этим было, конечно же, просто невозможно. Да и хозяйство они содержали не для себя, а для всех. При умелом подходе свое хозяйство позволяло не только выживать, но и получать хоть и не огромные, но вполне ощутимые доходы: молоко от коровы ежедневно сдавалось (каждое утро приезжал молочник, обычно на телеге с большими бидонами, и собирал молоко со дворов), куриные яйца также сдавались в магазин, откуда отправлялись в центр. Подросших телят продавали в колхоз. Кто-то разводил свиней и продавал поросят на рынке, для этого несколько раз в году в центре проводились специальные ярмарки. Корма для животных и птиц, как правило, не покупали, а выращивали сами.

Для такой жизни требовалось много сил, в том числе мужских. Поэтому родители мальчика ездили в деревню регулярно – раз в неделю или чаще. Все каникулы дети проводили там же, помогая взрослым всем, чем могли, и на что хватало времени и сил. Никто не горел жгучим желанием поскорее заняться тяжелыми и грязными полевыми работами, но сладостное чувство окончания этих работ, радость осознания, что урожай хороший и он уже в погребах, мало с чем сравнится.

Другой жизни просто не было, никто не знал про нее. Взрослые и ругали такую жизнь, и любили. Но своих детей постепенно готовили для жизни в городе.

Не любить деревню, свое родное гнездышко, было просто нельзя. Откуда берется эта любовь, эта непреходящая тоска при длительном расставании? Никто не знал и даже не думал про это. Почему птицы, рискуя жизнью, возвращаются в те места, где родились, чтобы продолжить жизнь? Почему некоторые виды рыб или черепах, уплывая из мест, где родились, возвращаются на нерест за многие километры именно туда же? Это великая тайна природы, которую невозможно разгадать, можно только прожить, погрузиться. Именно так человек приобщается к законам Земли и Вселенной. Именно на своей малой родине человек впервые слышит этот древний завораживающий язык: «ты здесь свой, здесь все твое...» Только много позже мальчик научился слышать эти невысказанные слова в шуме морских волн, в грохоте горных рек, в шуме леса за тысячи километров от своего родного гнезда.

Но в детстве Вселенная была маленькая, ограниченная этими горами и лесом. Он знал и про другие города и страны, про Луну и звезды. Но все это было даже не столько далеко, сколько не нужно. Ведь были свои луга и реки, свои деревья и тропинки, своя земля и родники. Зачем еще что-то? От того, что деревня скрыта от посторонних глаз и чужих людей здесь почти никогда не было, она становилась еще роднее, еще ближе.

К сожалению, законы современной цивилизации выталкивали детей из сельской жизни, направляя получать высшее образование и искать счастье в городах. Но деревенская жизнь с ее заботами и радостями еще тесно была вплетена в жизнь мальчика всю школьную пору и первые годы студенчества, питая его сознание и определяя мировосприятие.

5. Начало карьеры

Через месяц Володе предложили уйти с подготовительного отделения в бухгалтерию экономистом, на что он сразу же согласился, так как в качестве куратора подготовительного отделения приходилось находиться на работе целый день. А как же тогда карьера преподавателя? Для него придумали должность – экономист с правом преподавания экономических дисциплин, перевели в другой кабинет, поручили подготовку нескольких несложных предметов у этих же «подготовишек», благо, их в тот год набрали достаточно много. Хотя в институте приходилось также быть весь день, но работать экономистом было не очень сложно, и оставалось много времени на библиотеку и книги. Новое рабочее место находилось в небольшом кабинете, в котором находился еще Эдуард Михайлович, вместе с ним в жизнь Володи вошли новые чувства и переживания.

Эдуард – личность неординарная по всем внешним признакам: выпускник МГУ им. Ломоносова, с развитым интеллектом и широкими интересами, в юности увлекся идеями буддизма, вскоре после окончания вуза с двумя друзьями уехал монахом в буддийский монастырь, где провел около года. На вопрос, почему все-таки уехал оттуда, ответ давал всегда уклончивый: «Не тот это буддизм, неправильно там все». Смысл такой, что не получил он там того духовного развития и тем более просветления, на которое рассчитывал, поэтому решил искать недостающее в другом месте. Сильно увлекался конспирологией, причем пытался максимально применять полученные знания на практике – везде ему виделись заговоры, любые сомнения окружающих начисто отвергал, везде и во всем был абсолютно категоричен. Был не против поговорить об искусстве, вплоть до того, чтобы обсудить некоторые картины Ван Гога или что-нибудь в этом роде.

Эдуард поначалу производил очень сильное впечатление на Володю, просто затмевая его своим интеллектом и познаниями тайн жизни, разговоры с ним занимали значительную часть рабочего дня и во многом определяли все его мысли того периода.

– Буддизм – это тебе не религия или слепая вера, это в первую очередь психология, – утверждал Эдуард.

– Подожди, есть четыре главные мировые религии – христианство, ислам, иудаизм и буддизм. Все они основаны на вере в бога, – не соглашался Володя.

– Нет, в буддизме нет идеи бога, там как раз объясняются глубинные мотивы поведения человека. Ты не спорь со мной, я долго жил в монастыре, поэтому знаю.

– Ну хорошо, и в чем тогда отличия? В Библии тоже объясняется поведение людей.

– Все религии – это профанация! Только в Гите и буддизме содержится истина, – безапелляционно, как отрезав, подводил итог Эдуард.

Такие разговоры велись между ними практически каждый день, когда выпадала свободная минута. От Эдуарда Владимир узнал и про буддизм, и про медитацию, и про жизнь в монастырях и еще много чего. От него он услышал необычное слово – «духовность». Затаенный смысл слова пробуждал в нем какие-то смутные и волнующие нотки, веяло глубиной и неким туманным спокойствием. В Эдуарде Владимир видел сильную незаурядную личность, прикоснувшуюся к тайнам познания, искал в нем подпитку своим исканиям и надеждам. И не находил. А несколько позже Владимир окончательно разочаровался в своем случайном духовном наставнике. Через много лет он понял причину – Эдуард в своих поисках духовного просветления выбрал путь не избавления от эго, а наоборот – его подпитки. Незаурядный ум, хорошее образование, жизнь в монастыре вознесли Эдуарда в собственных глазах почти на вершину духовной и социальной иерархии, он считал себя самым просвещенным человеком, по крайней мере, внутри этой организации и этого города, о чем неоднократно был не прочь намекнуть или даже сказать в открытую. А окружающие не видели в нем никаких сверхспособностей,

и поэтому никакого намека на особое отношение не проявляли. Отсюда возникали большие и маленькие конфликты. Часто о других Эдуард выражался неуважительно, называл их невежественными и глупыми, причем по малейшему поводу, даже когда их интересы не пересекались. При этом ректор института терпеливо и с уважением относился к Эдуарду, полагая, что неординарные люди полезны в коллективе, несмотря на их конфликтность. Возможно, он был прав, и Эдуард сыграл некоторую роль в первоначальном становлении вуза в качестве легенды: выпускник юридического факультета МГУ, буддийский монах – это чего-то стоит.

Помимо Эдуарда в вузе был еще целый коллектив из нескольких десятков человек, многие из которых казались Володе тогда интересными и необычными – «продвинутыми». Действительно, так и было. Вуз объединил людей образованных и амбициозных, любящих свою работу, в основной массе порядочных и не старых – средний возраст сотрудников был тогда значительно моложе 40 лет. Поэтому острые впечатления от общества Эдуарда постепенно стерлись. Володя ведь и сам был молодым, интересным и амбициозным.

Совсем скоро Володя стал с радостью ходить на работу, с удовольствием общался с людьми, ходил в библиотеку, готовился к своим первым занятиям, которые состоялись в октябре.

Это был второй курс, будущие менеджеры, практическое занятие по макроэкономике. Лекции доверили читать другому человеку с ученой степенью, а Володе отдали практику. Страх не было – была некоторая растерянность, чувство барьера, неуверенность в себе и своих знаниях. Чтобы понять, как себя вести на занятиях, Володя просто вспоминал своих университетских преподавателей, что часто ему помогало. Быстрого контакта с аудиторией не получилось, но и конфликтов никаких не было – спокойно говорили про проблемы современной экономики, стараясь придерживаться конкретной темы. Перед каждым занятием Володя прочитывал несколько учебников, стараясь быть максимально осведомленным, но, как оказалось, это была излишним. Большинство студентов к занятиям не готовились, уж тем более по какой-то там макроэкономике, поэтому значительную часть занятия Володя посвящал раскрытию темы, выполняя часть работы за лектора и самих студентов. Он искренне и честно пытался заинтересовать аудиторию, что получалось плохо – человеку в 19-20 лет нет никаких дел до проблем современной экономики, да и знания, получаемые в вузе, у студентов не ассоциировались с будущей карьерой и жизненным успехом.

– Здравствуйте, – поприветствовал Володя аудиторию.

Большая часть студентов поднялись со своих мест в качестве ответного приветствия, некоторые лишь немного оторвались от стульев, некоторые с задних рядов даже не пошевелились. Но молодой преподаватель на это не обращал особого внимания и замечаний не делал.

– Садитесь, пожалуйста. Сегодня мы с вами рассмотрим следующую тему – инфляция. Попытаемся вместе разобраться, что это такое, каковы причины и последствия, как с ней принято бороться. Вы прослушали лекцию, должны были подготовиться к практическому занятию. Итак, первый вопрос такой: сущность инфляции. Кто-нибудь хочет выступить?

Опущенные в стол глаза, ленивые взгляды, легкие улыбки – никто не хочет.

– Инфляция – просто рост цен, – послышалось с заднего ряда.

– Ну, хорошо, – попытался подхватить диалог Володя. – Любой ли рост цен является инфляцией? И как в таком случае отличить инфляционный рост? И самое главное – с какой целью?

– Ну, это когда цены быстро растут, – прозвучал чей-то ответ с места.

Нормального диалога, как обычно, не получалось. Володя долго к этому привыкал, но так до конца и не смог. «Зачем вы платите деньги за учебу, ходите на занятия, если совершенно ничего не получаете?» – часто думал он.

– Давайте тогда попробуем рассмотреть виды инфляции. Есть желающие? Нет? Что ж, на этот вопрос ответит Лена Осипова.

Лена удивленно подняла глаза и стала лениво и не спеша листать свой конспект. Найдя нужное место, стала читать, не отрывая взгляда от тетради.

– В зависимости от темпа роста цен инфляция бывает ползучей, галопирующей и гипер. Дальше читать? – посмотрела Лена на преподавателя.

– Читайте, коли уж не можете без конспекта рассказать.

Лена прочитала до конца про виды инфляции и остановилась.

– Хорошо. Скажите, а причины вот этих видов одни и те же или различаются?

– Я не знаю, пусть кто-то другой ответит, – несколько раздраженно отвечает студентка.

– Да уж. Кто готов рассказать про причины инфляции? Марат, может, вы?

– А можно своими словами? – спросил Марат.

– Своими, а чьими же еще. Я ведь тоже всегда своими говорю.

– Ну, причины разные. Топливо дорожает, правительство поднимает цены, доллар растет. Чем больше причин – тем сильнее инфляция. Я правильно думаю?

«И что мне с ними дальше делать? – подумал Володя. – До конца занятия еще очень далеко». Но сказал другое.

– В целом правильно, только не полно. Давайте перейдем к следующему вопросу – внешние и внутренние факторы инфляции.

Все следующие вопросы темы рассматриваются в аналогичном режиме. К середине занятия Володя начинает немного нервничать.

– Поймите же, если вы не будете готовиться к занятиям, у нас всегда будет так скучно и не интересно. Образование такое – вы потребитель, клиент, но чтобы получить эффект, надо самому напрягаться, что-то делать, готовиться. А иначе результат нулевой будет!

Подобные нравоучения и просьбы практически никакого эффекта не давали. Следующие занятия проходили примерно одинаково. Хотя он, конечно, чувствовал и понимал, что студенты – ребята в целом не глупые и даже способные, но заинтересовать их своим предметом он не мог. Стимулирование в виде двоек или запугивания сложным зачетом практически не действовало.

Трудности забываются, стрессы проходят – он втянулся и начал даже получать удовольствие от общения с аудиторией. Можно сказать, что он относительно быстро втянулся в профессию преподавателя, чему тихо радовался. По вечерам несколько раз в неделю он вел занятия по основам экономики у подготовительного отделения.

Жизнь шла своим чередом, менялись государственные образовательные стандарты и учебные планы, приходили новые работники, уходили старые. К началу второго семестра, а именно в феврале Владимиру сделали предложение оставить экономическую работу и полностью сосредоточиться на преподавании. Спокойный рабочий ритм преподавательской работы нравился ему: занятия в вузе, подготовка к занятиям или дома, или в библиотеке. Вокруг постоянно находились живые порядочные работники и студенты, которые, несмотря на свою лень и плохую мотивацию, были в основной своей массе вполне миролюбивыми и интересными – регулярно ходили в библиотеку (на переменах там было всегда очень оживленно), участвовали в общественной жизни, занимались спортом, играли в КВН, рисовали стенгазеты.

Жизнь в новом вузе просто бурлила. Помимо собственно рабочего процесса, там широко праздновали Новый год, 23 февраля и 8 марта, часто с выездом на базу отдыха за городом. Руководители рассматривали это как важную часть организационной культуры и способ сплочения коллектива, а также средство решения производственных проблем. На таких мероприятиях люди раскрывались, с интересом общались друг с другом обо всем: о домашних заботах, о студентах, о мировых проблемах, о вопросах мироздания. Спиртное только разогревало

людей, снимало барьеры, давало энергию для общения, подпитывало интерес друг к другу – ведь большинство были поначалу плохо знакомы между собой. Небольшие компании часто после корпоративного мероприятия ходили вместе в кафе или закрывались в какой-нибудь аудитории и продолжали общаться до самого позднего вечера. При этом никаких скандалов или проблем не было никогда, а если и было, то они исчезали всегда мгновенно и без следа.

Стоит ли говорить, что Володя с радостью влился в такой современный здоровый коллектив? Жизнь казалась интересной, радостной и бесконечной.

Вскоре руководство поставило задачу перед всеми новыми преподавателями, кто не имел ученой степени, восполнить этот пробел и заняться работой над диссертациями. Вузу просто нужны были свои преподаватели с учеными степенями по разным наукам, поэтому и помогали, чем могли.

Для Володи тогда это казалось чем-то нереальным и безумно привлекательным, просто далекой мечтой. Первый шаг – сдача так называемого кандидатского минимума, а именно специальных экзаменов по философии и иностранному языку. Вскоре к началу весны Андрей Петрович объявил, что экзамен по философии состоится уже в апреле здесь же, в Набережных Челнах на базе старейшего в городе педагогического института. Раздав программу экзамена и требования к реферату, он напутствовал Володю на серьезное отношение к этому. Изучив требования, Володя принялся готовить свою первую послевузовскую научную работу на тему: «Вопросы онтологии в трудах философов Древней Греции».

Он отнесся к этой работе очень серьезно: сидел в библиотеке, изучал литературу, набирал текст на компьютере, который был ему еще совсем плохо знаком, выстраивал изложение, сочинял выводы. После реферата готовился к экзамену, посещал дополнительные лекции, завел даже специальную тетрадь. А как же иначе? Ведь это будущая карьера, будущее его и семьи.

Экзамен прошел в целом спокойно. Профессора-экзаменаторы относились ко всему происходящему очень лояльно и позволяли пользоваться дополнительными источниками – фактически все, кто хотели, списали весь ответ из книг. Володя хоть и знал ответы на попавшиеся в билете вопросы, тоже подсматривал в учебник. И вот – первый этап пройден! Получив пятерку, небольшую похвалу за реферат и пожелания успешной карьеры преподавателя, счастливый Володя поспешил домой, чтобы побыстрее сообщить радостные новости семье.

6. Деревенские заботы

– Дети, надо вам спать ложиться, а то завтра рано вставать, – спокойно сказала тетя племянникам сразу после ужина.

Рано вставать надо было потому, что завтра настала очередь выпаса коров. В деревне коровы паслись не по одиночке, а целым стадом, в котором было до двадцати коров, пасли по очереди, значит, каждая хозяйка должна была раз в двадцать дней выделить целый день на это дело. Коров выгоняли очень рано, еще до рассвета. Только уже в поле рассветало и всходило солнце. Детей к выпасу привлекали скорее для порядка в воспитательных целях, и чтобы они не оставались в доме без присмотра, так как работа была совершенно не тяжелая – выгнал животных на пастбище и смотри спокойно целый день как они щипают траву. Еще нужно было следить, чтобы какое-нибудь особо привередливое животное не залезло в колхозное поле полакомиться свеклой, молодой пшеницей или другой культурой. А еще периодически подгонять коров на водопой, благо такие места с водой для них были практически везде. Многие сельчане, особенно мужчины, пасли коров в одиночку, а женщины обычно брали детей.

– Да, но еще совсем рано, еще коровы даже не вернулись, и спать совсем не хочется, – с небольшой грустью в голосе ответили дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.